

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2023-4-59-65

ПУСТОТА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА)

© **Бардамова Екатерина Александровна**
доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова 6
bardam_k@mail.ru

© **Харанутова Дарима Шагдуровна**
доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова 6
dkharanutova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу средств объективации пустоты в бурятском языке в аспекте аксиологической картины мира. Установлена специфика восприятия и наделения описываемого фрагмента пространства окультуренными идеями о связи объектов и явлений и их свойствах в реальной действительности. Анализ массива текстов Бурятского корпуса позволяет прийти к выводу, что инвариантный признак пустоты 'отсутствие наполненности' формирует ряд оценочных смыслов, функционирующих в виде установок, в основе которых признание достоинств и недостатков предметов, характеризующихся посредством признака пустоты. Рассмотренные лингвокультурные ценности имеют иллюкативный эффект в силу транслируемых приоритетов, формирующих маркеры значимости бытия. Автором выявлено, что пустота внешнего мира воспринимается как локус неблагоприятных условий бытия для реализации витальных потребностей. Появление подобной негативной аксиологии обусловлено пониманием того, что данный фрагмент пространства лишен привычного порядка и определенности. Для ценностной ситуации духовного мира человека в бурятском языке пустота выступает символом неосновательности, бесплодности действий и мыслей, никчемности, бессмысленности, пустословия, голода и нищеты.

Ключевые слова: пространственная картина мира, пустота, онтологическая природа пространственных номинаций, лингвокультурные ценности, аксиология пустоты.

Для цитирования

Бардамова Е. А., Харанутова Д. Ш. Пустота в пространстве лингвокультурных ценностей (на материале бурятского языка) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 4. С. 59–65.

В настоящее время феномен пустоты еще мало изучен в лингвистике, однако имеются исследования В. Н. Топорова [12], Н. Р. Суroidиной [11], И. А. Бобрышевой [3], П. В. Шубиной [7], М. Ю. Гаврилкиной [5], большая часть из упомянутых рассматривает *пустоту* в литературоведческом аспекте. Осмысление пустоты как хаоса, небытия, отсутствия чего-либо, по мнению В. Н. Топорова, приводит к мысли о том, что: «она не только вовне, но и то здесь, то там прорастает изнутри

и как бы соблазняет, подталкивает к принятию мысли об онтологичности “минус”-явлений, о бытии небытия, “нетов”, “минусов”, страшных фантомов, отрицающих жизнь и ее пространство, свободу и, значит, человека, если только он не согласен рабствовать небытию» [12, с. 50].

Пустота как абстракция практически не встречается в бурятском языке. В актуализации пустого пространства принимают участие прилагательные с инвариантным признаком отсутствия необходимого содержимого в объекта номинации: *сул губи ‘пустыня’* (букв. слабая земля); *хооһон (хиш) талмай* (или *газар*) ‘пустырь’ (букв. пустое место, пустая земля); *хооһон газар, эзэгүй газар* ‘пустошь’ (букв. пустая, бесхозная земля); *холо хээрын сүмэ* ‘пустынь’ (букв. монастырь в далекой безлюдной местности)¹. Наиболее абстрагированное представление о пустоте заключено в семантике лексемы *хиш* ‘воздух, пустота’. В донаучной картине мира бурят воздух выбирается в качестве показателя незаполненности и отсутствия людей, признаков жизни и освоенности пространства.

В обозначении пустоты задействованы прилагательные *хооһон ‘пустой’*, *хунхи ‘полый, пустой, полость’* и *хунды ‘пустой, бездонный’*, например, *хооһон торхо ‘пустой бочонок’*, *хунхи нүхэн ‘провал, пропасть’*, *хунды ханха ‘зияющий пустотой’*. При этом *хунхи* чаще всего участвует для называния полости в таком предмете, который может издавать звук при ударе по нему: *хунхи мұльһэн ‘полость подо льдом’* и т. п. Для репрезентации других пространственных объектов, имеющих полости, используется *хунды*, например: *хунды хирпишэ ‘полый кирпич’*, *хунды эшэтэй мангир ‘лук с полым стеблем’*, *хунды сорго ‘полая труба’*, *хунды уляһан ‘полая осина’*, *хунды сээжэ ‘грудная полость’*, *модоной хунды ‘дупло дерева’*, *шэрээгэй хунды ‘ящик стола’*.

В бурятском языке *пустота* участвует в объективации лингвокультурных ценностей и предпочтений. В философских изысканиях долгое время вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в структуре реальных приоритетов, являются актуальными в связи процессами глобализации и нивелированием культурных традиций. Если ранняя аксиологическая мысль признает за ценностью смысл жизни, более поздние практики понимают под ценностью интересы, потребности и желания отдельной личности, то русская философия акцентировала внимание на духовности и свободе, аксиологическая составляющая которых имеет значение в жизни человека. Все исследователи сходятся в признании всеобщей обязательности и нормативном характере свойств ценности. У А. С. Ахиезера находим, что оценивание становится возможным в результате постижения и освоения внеязыковой действительности и сопровождается одновременным наделением ее отдельных фрагментов свойствами, качествами, человеческим смыслом [2, с. 319]. Для ценностного отношения характерны образно-метафорические формы освоения, в основе которых чувственные, медитативные, философские, мифологические способы осмысления. Вслед за А. Я. Гуревичем исходим из того, что «ценности, общие для всех народов, в каждом национальном мире понимаются по-разному, имеют свой акцент» [6, с. 172]. Следующим методологическим посылом является то, что пространство — одна из онтологических объективных

¹ Здесь и далее примеры из Бурятского корпуса. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.

категорий, которую человек научился воспринимать, осознавать и формировать на ее основе систему ценностей. Теоретический анализ аксиологии пустоты, выработанной членами языкового коллектива, позволяет обнаружить специфику осмысления изучаемой абстракции, что важно для установления одной из констант ценностной картины мира, так как ценности во многом детерминируют специфику восприятия человеком окружающего мира.

Анализ материалов лексикографических источников и массива Бурятского корпуса позволяет сделать вывод, что восприятие и оценка пустоты как пространственного фрагмента имеют свою специфику. В предметно-понятийном (денотативном) содержании пустого внешнего пространства, возможно, универсальным признаком выступает сема 'безлюдный', которая объединяет группы конкретных характеристик и оценок пространственных смыслов: *хоохон талмай* 'пустая площадь', *хоохон тала* 'пустая степь', *хоохон гэр* 'пустой дом', реализуется исходный обобщающий смысл.

В метафорически-оценочном осмыслении пустоты в бурятском языке, безусловно, можно признать то, что пустота используется как знак бессодержательности. Прототипическая зона пустоты определяется признаком отсутствия наполненности, пустым осознается описываемый объект, который отличается частичным наличием того, чем обычно заполняется, ограниченностью в необходимых составных частях, что полностью предопределяет появление и функционирование негативной оценки из-за недостатка того содержания, которое подвергается оценке. Так, пустота выступает символом узости взглядов, кругозора, мировоззрения, демонстрируя отрицательную коннотацию: *Багша обёороошье хаа, зүрхэ сэдьхэлыень шүбгөөр хадхажа ьбайһандал, урдаһаань бэлтылдэһэн үлэн хоохон харасатай мойһон хара нүдэдһөө далтираад хэшээлээ саашань үргэлжэлүүлдэг һэн* 'у учителя щемило сердце при виде устремленных на него больших выразительных глаз, в которых была боль и отчаяние, но он находил в себе силы, чтобы продолжать урок' (М. Осодоев. Заха холын займхада).

Сложная семантика *пустоты* демонстрирует взаимосвязанность данной аксиологии с оценочными суждениями, актуализирующими:

- неосновательность, бесплодность действий и мыслей, например: *дэмы талаар* 'попусту, зря', *хиш һэбхи ном* 'пустой, бессодержательный', *хиш гарза* 'пустое место';

- никчемность, бессмысленность, ничтожность: *хоохон зугаа* 'пустая забава', *хоохон бодолто* 'прожектер, фантазер';

- пустословие: *хоохон аман* 'пустословие', *хубхай хэлэн* 'пустые речи'.

Идея пустоты эксплуатируется как для характеристики действий, так и собственно сущности человеческой природы, актуализируя, например: бестолковость, духовную ограниченность: *Хоохон толгойтой хун директор болодог юм аал? 'Разве директор может быть пустоголовым?'* (Д. Доржиев. Намарай набшын гуниг).

При оценке внутреннего мира человека *пустота* используется как знак отсутствия полноты человеческого существования и противопоставляется наполненности жизни через его духовный уровень. Развивая признак бессодержательности, пустота как ценностная ситуация распространяет негативную оценку на все

явления, характеризующиеся своей безыдейностью и лишенностью серьезного значения, ограниченностью и бесполезностью, бесплодностью и ничтожеством.

В бурятском языке *пустота* используется как маркер состояния жизненного тупика, когда человек подвергает сомнению, правильно ли он живет. Чаще всего в этом случае он находится в раздражении или разочаровании, сталкиваясь с непредвиденным препятствием, невозможностью достичь своей цели, удовлетворить свои потребности. В таком состоянии человек апатичен, недоволен собой, равнодушен ко всему, что приносило удовольствие: примеры из текста повести Кима Цыденова являются хорошей иллюстрацией сказанного: *Тархи сонь ямаршые бодолгүй, мүн лэ баһа жэгтэй хооһон мэтэ болошобо 'в голове никаких мыслей, как будто пустой стала'* (К. Цыденов. Бусахал даа хабар).

В соответствии с семиотическими традициями описания языковой картины мира можно говорить о бинарной оппозиции в оценке пустоты, в которой отсутствие наполненности служит для отрицательной маркировки, в то время как другому члену оппозиции — полноте присваивается знак плюс.

Следует отметить, что в бурятском языке *пустота* как феномен лингвокультуры используется для обозначения как отрицательных, так и положительных характеристик. Так, на наличие социально-валидной положительной аксиологии указывает функционирование лексемы *хиш морин* 'конь удачи'. В бурятской культуре существует ритуал вывешивания *хиш морин*, который является символом наполнения жизненных сил человека, считается, что способствует исполнению желаний, приносит благополучие. *Конь удачи* получает энергию из пустоты Вселенной. Восточная традиция, восходящая к буддийскому учению, наделяет пустоту сакральным положительным содержанием: под пустотой понимается начало существования, потенциальная энергия, источник первоэлементов мира и духа, вместительность ресурсов жизни. За пустотой закрепляются ассоциации с космосом, пространством творческой энергии, содержащей жизненные возможности, открывающей место для иллюзий и мечты.

При этом *пустота* используется для обозначения ценности со знаком минус, как было показано выше: семантический признак отсутствия чего-либо стал источником развития нескольких сем. К наиболее продуктивным в бурятской лингвокультуре отнесем следующие:

1) 'обнищание':

Үгы, газар дээрэ гарабалгүй, уһан дээрэ удхагүй, үе үндэнэ мүшхэжэ, үгытэй хооһон ябаһан Сэдүүгэй тэрэ гойр годлидо хаанаһаа тархи толгойгоо эрьюулэгдэжэ ошоо юм 'Нет, откуда она нашла этого убогого голодранца, не имеющего ни родни на земле, ни следа на воде, ничего из поколения в поколение, из-за этого Сэдуя совсем потеряла голову' (Х. Намсараев. Үүрэй толоон).

2) 'голодный' в парных сочетаниях, ср.: *Саада захань Харбин, Цицикар хүрөөб, һараһаа үлүү бологдоо, хамагаа Хитайдай шүүрнүүдтэ алдаад, хан гэжэ хашарһагүй, хооһон нойтон, хэдэн хоногой унтахаһаа бэшиэ ажалгүй, туража үхэхэ хүрөөд ябатарни, ши һэрюүлжэ, эдеэлүүлжэ амидыруулбаи 'дошел до самой окраины, до Харбина, Цицикара, больше месяца прошло, я все проиграл этим китайским шулерам, остался без гроша в карманах, ободранный, голодный до смерти, мог только сутками забываться тяжелым сном, тут ты меня разбудила, накормила, вернула к жизни'* (Б. Б. Намсараев).

Развитие подобных вторичных номинаций, обнаруживая скрытую категориальность, восходит к теории топологического типа Леонарда Талми, в соответствии с которой некоторые пространственные объекты в процессе категоризации схематизируются как вместители [13]. Е. В. Рахилина, объясняя и резюмируя теоретические положения Л. Талми, ввела понятие топологического типа, под которым понимается пространственный образ объекта, подчиненный особенностям его функционирования [8]. Архисема 'незаполненный' в случае, когда речь идет об удовлетворении/неудовлетворении витальных потребностей, рождает идеи крайней бедности и недоедания, *пустота* становится маркером образа жизни.

Итак, проведенный анализ подчеркивает первичность и онтологическую сущность пространственных представлений, так в бурятской языковой картине мира пространственная категоризация — та база, на которой формируются и осознаются другие типы связей и аксиологические системы. Под пустотой в соответствии с буддийской традицией понимается место концентрации потенциальной энергии, дарующее удачу, везение, здоровье, успех, устанавливает гармонию жизненных сил человека. При этом пустота как фрагмент пространственной картины мира служит основой интерпретации и оценки, в результате которых выступает как знак бессодержательности, символ узости взглядов, кругозора, мировоззрения, демонстрируя отрицательную коннотацию, а также используется при указании на неосновательность и бесплодность действий и мыслей, обнищание, ничтожность и ничтожность человеческой природы, пустословие и духовную ограниченность, противопоставляется наполненности жизни и обозначает отсутствие полноты человеческого существования через его духовный уровень.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: опыт системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 224 с. Текст: непосредственный.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 594 с. Текст: непосредственный.
3. Бобрышева И. А. Семантическое поле «пустота» в идиолекте М. И. Цветаевой: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федер. ун-та, 2013. 28 с. Текст: непосредственный.
4. Большаков В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2001. 112 с. Текст: непосредственный.
5. Гаврилкина М. Ю. Концептуализация пустоты в прозе О. Славниковой: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2013. 25 с. Текст: непосредственный.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972. 322 с. Текст: непосредственный.
7. Шубина П. В. Пустота как онтологическая и гносеологическая категория: способы говорить об отсутствии в западноевропейской философии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2005. 21 с. Текст: непосредственный.
8. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва, 2010. 447 с. Текст: непосредственный.

9. Риккерт Г. О системе ценностей // Науки о природе и науки о культуре. Москва: Республика, 1998. 413 с. Текст: непосредственный.

10. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 78–95. Текст: непосредственный.

11. Суродина Н. Р. Лингвокультурное поле концепта пустота (на материале поэтического языка московских концептуалистов): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. пед. ун-та, 1999. 20 с. Текст: непосредственный.

12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ: исследования в области мифопоэтического. Москва: Прогресс, Культура, 1995. 624 с. Текст: непосредственный.

13. Talmy L. The fundamental system of spatial schemas in language / B. Hamp (ed.) // From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Mouton de Gruyter, 2006. P. 37–47.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 23.10.2023.

*EMPTINESS IN THE SPACE OF LINGUOCULTURAL VALUES
(BASED ON THE BURYAT LANGUAGE MATERIAL)*

Yekaterina A. Bardamova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Russian Language and General Linguistics Department

Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russia

bardam_k@mail.ru

Darima Sh. Kharanutova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Russian Language and General Linguistics Department

Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russia

dkharanutova@mail.ru

Abstract. The article examines the means of objectification of emptiness in the Buryat language in the aspect of the axiological worldview. The specificity of perception and endowment of described fragments of space with cultured ideas about the connection of objects and phenomena and their properties in reality has been established. The analysis of the array of texts in the Buryat corpus allows to conclude that the invariant feature of emptiness (lack of fullness) forms a series of evaluative meanings functioning as attitudes, based on the recognition of the advantages and disadvantages of objects characterized by the feature of emptiness. The considered linguocultural values have an illocutionary effect due to the transmitted priorities that form markers of existential significance. The authors have identified that emptiness in the external world is perceived as a locus of unfavorable conditions for the realization of vital needs. The emergence of such negative axiology is conditioned by the understanding that this fragment of space lacks familiar order and definiteness. In the value situation of the person's spiritual world in the Buryat language, emptiness serves as a symbol of inconsistency, fruitlessness of actions and thoughts, insignificance, meaninglessness, idle talking, hunger, and poverty.

Keywords: spatial worldview, emptiness, ontological nature of spatial nominations, linguocultural values, axiology of emptiness.

Е. А. Бардамова, Д. Ш. Харанутова. Пустота в пространстве лингвокультурных ценностей (на материале бурятского языка)

For citation

Bardamova Ye. A., Kharanutova D. Sh. *Emptiness in the Space of Linguocultural Values (Based on the Buryat Language Material). Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 4: 59–65 (In Russ.).

The article was submitted 05.09.2023; approved after review 12.10.2023; accepted for publication 23.10.2023.